

Матвеева Алла Ивановна

**Социальное партнерство:
цель или средство**

Монография

2016 г.

Алла Матвеева

**Социальное партнерство:
цель или средство**

«Бук»

2016

УДК 35.088.8
ББК 88.52

Матвеева А. И.

Социальное партнерство: цель или средство /
А. И. Матвеева — «Бук», 2016

ISBN 978-5-9908020-5-6

В монографии исследуются проблемы аксиологического поля духовной социализации, структура и содержание различных фаз процесса личностной социализации, морфология социального взаимодействия. Обосновывается положение о духовной доминанте в системе социального взаимодействия и процесса социализации личности как ключевого условия ее целостности и эффективной самореализации. Монография предназначена для ученых, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей высших профессиональных учебных заведений.

УДК 35.088.8
ББК 88.52

ISBN 978-5-9908020-5-6

© Матвеева А. И., 2016
© Бук, 2016

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алла Ивановна Матвеева
Социальное партнерство:
цель или средство
Монография

© Матвеева А. И., 2016

Введение

Феномен социального партнерства возникает в процессе снятия дихотомии между сотрудничеством и конкуренцией. Данный феномен интерпретируется как переходное состояние личности и общества от духовной узости и слепоты к духовной состоятельности и зрелости. Выявляются специфика перспективы развития духовной социализации личности в контексте совершенствования системы социального партнерства.

В настоящей работе рассмотрены принципы и морфология самой социализации, в которой духовное основание, как мы пытаемся доказать в настоящей работе, играет перво-степенную роль. И здесь социализация личности рассматривается в контексте социального взаимодействия людей, которые, как известно, являются не только духовными существами (наделенными душой, сознанием, интеллектом и т. д.), но и существами социальными (общающимися и взаимодействующими). А коли так, то весь пафос исследования направлен на осмысление механизмов актуализации духовности в социальной практике человека, в системе социального взаимодействия людей. Ведь сколько не говори о духовности и не формируй ее, но если личность не овладела социальными технологиями по ее актуализации, осуществлению, опредмечиванию, сама духовность будет оставаться должным, но не сущим, потенциальной, а не реальной, интенцией, а не действительностью.

Глава 1

Феномен социального партнерства в контексте духовного самоопределения личности

Духовное самоопределение личности происходит в определенной институциональной среде. Институциональное направление в исследовании проблемы социального партнерства предполагает его трактовку как специфического социального института. В связи с этим необходимо, прежде всего, определиться с теоретико-методологическими подходами к исследованию феномена социального партнерства в системе социальных отношений и трактовкой самого понятия «*социальный институт*».

Институциональная теория изначально возникла и развивалась как оппозиция традиционным теоретико-методологическим подходам в гуманитарных исследованиях. Главное направление институционального анализа было связано со стремлением преодолеть прежний формализм в толковании сущности социальных отношений. Поэтому институционализм традиционно рассматривается как «бунт против формализма» [327]. Известно, что М. Вебер (1864–1920) связывал необходимость институционального анализа социальных отношений с социальным (общественным) разделением труда. Отличая *социальное* разделение труда от *технического* разделения труда, он выделял два типа социального разделения труда: разделение труда между *автономными* субъектами деятельности и между полностью *самостоятельными* субъектами деятельности [188, с. 63–64]. В связи с этим и система отношений между разными субъектами деятельности может рассматриваться в двух аспектах: как *конкуренция* и как *партнерство*.

В современной литературе также считается, что «определяющей причиной возникновения, функционирования и развития социальных институтов выступает потребность процесса разделения труда, а в более общем плане – процесса дифференциации человеческой деятельности и общественных отношений» [11, с. 166–167].

Вместе с тем хотелось бы сразу обратить внимание на обстоятельство, которое упускается из виду многими исследователями истории и теории институционализма. Процесс общественного разделения труда может осуществляться двояко: стихийно или планомерно. Представители прежнего институционализма и современной неинституциональной теории исходят как раз из стихийного характера процесса общественного разделения труда. Поэтому возникновение социальных институтов они объясняют двояко: с одной стороны, такие институты также появляются вроде бы стихийно, вслед за стихийным процессом общественного разделения труда. А, с другой стороны, такие институты трактуются как результат сознательной практики людей, что опровергает первый тезис. Поэтому институциональному анализу изначально присуща некоторая дихотомия в определении природы происхождения социальных институтов.

Осознанное и планомерное регулирование процесса общественного разделения труда в современных условиях, к сожалению, уступило место стихийному его развитию. Глобальная конкуренция, ставшая едва ли не главным фактором в развитии системы социальных отношений и определяющая тип (конкурентный) социального взаимодействия, а также институт частной собственности – вот два ключевых фактора, детерминирующих современное состояние и содержание большинства социальных институтов. Это сказывается и на характере институционального анализа, в том числе и на понимании сущности социальных институтов.

Существует ряд теоретико-методологических подходов к трактовке данного понятия. Первый подход связан с пониманием социальных институтов как некоей *целостности* раз-

ноуровневых компонентов, включая субъект деятельности, предмет деятельности, ее средства и результаты. Такое расширительное понимание социальных институтов затрудняет выявление критериев, которые позволяют конституировать социальные явления в качестве социального института. Второй подход можно назвать атрибутивным, поскольку его представители пытаются выделить некий интегративный критерий, свойственный всем социальным институтам и позволяющий отличить социальные институты как таковые от других социальных образований. В качестве интегративного критерия используются такие атрибуты, как организация, системность, нормативность и т. д.

В западной литературе под институтами подразумеваются «„правила игры“ в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [271, с. 17].

В отечественной литературе социальные институты трактуются как «организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества» [388, с. 143].

Различают *формальные* и *неформальные* социальные институты. «К формальным институтам относят законы, писанные правила; к неформальным – обычаи, неписанные нормы и общепринятые условности» [156, с. 5]. При этом почему-то не выделяют зрелые социальные институты и незрелые, т. е. те, которые только лишь находятся в стадии их формирования. В условиях перехода того или иного общества от одной социально-политической и социально-экономической системы к другой такие «переходные» формы социальных институтов являются наиболее распространенными, а их незрелый характер обуславливает противоречивость и достаточно острую конфликтность развития «переходных» обществ.

Само понятие «институционализм» появилось в 1918 г. Его ввел У. Гамильтон, который определял социальный институт как «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаях народа». Тем самым, изначально социальный институт трактовался как *неформальная* норма поведения людей, обусловленная традициями, обычаями и привычками. Эту идею развил другой американский исследователь, экономист и социолог Т. Веблен. В 1899 г. он опубликовал свою книгу «Теория праздного класса. Экономическое изучение институтов», в которой рассматривал проблему естественного отбора институтов. Институт праздного класса – рантье – рассматривается автором как естественное проявление законов хищнического паразитизма, задерживающее (тормозящее) развитие общества [72]. Важно отметить то обстоятельство, что социальный институт в трактовке Т. Веблена представляет собой такое социальное образование, которое может играть как положительную, так и отрицательную роль в развитии общества. При этом причины появления новых социальных институтов и отмирания старых автор связывал с «общественными» условиями.

Вместе с тем, начиная с представителей американского институционализма, в литературе проводится различие между понятиями «*институт*» и «*институция*». Под «*социальным институтом*» все чаще начинают понимать некие структуры, социальные образования, создаваемые и функционирующие на основе общих базовых интересов и потребностей их участников. Главное отличие такой трактовки социальных институтов состоит в их субъектном понимании и объективации. Под «*институциями*» же подразумевают определенные правила и нормативные установки, которые выступают в качестве мотивов деятельности социальных образований. При этом «институция» может быть объективирована, но, сама по себе, она бессубъектна. Подобно одежде на человеке. Она может характеризовать его поведение, но если «нет человека – нет проблемы». Так, Н. Смелзер отмечал: «Одной из важных черт института является его соответствие „социальной потребности“. Люди, видимо, не могут существовать без коллективных объединений-общностей и обществ, которые сохраняются в течение длительного времени. Эта тенденция, наверное, обусловлена биологиче-

ской зависимостью людей друг от друга, преимущественно сотрудничеством и разделением труда в целях выживания по сравнению с усилиями отдельных индивидов, а также друг с другом на основе символической коммуникации» [328, с. 79].

Вряд ли можно согласиться с «биологической» трактовкой сотрудничества и разделения труда, которую предлагает Н. Смелзер.

К тому же «коллективистские» объединения-общности могут складываться и на базе различных интересов и потребностей, по принципу дополняемости (Н. Бор). И «символическая коммуникация» тут не объясняет природы таких локальных социумов. С другой стороны, далеко не все социальные образования складываются в силу сугубо биологической зависимости между людьми. Распад семей и массовые разводы как раз свидетельствуют о недостаточности одних только физиологических или биологических оснований для сохранения таких социумов. Да и вряд ли достаточным для понимания их природы и сущности было бы называть семьи или коллективы, социальные группы или государственные структуры только *социальными институтами*. Поэтому, с нашей точки зрения, более последовательным и перспективным в научном плане выглядит понимание социального института как системы ценностей (ценностных ориентаций), определяющих деятельность тех или иных общностей людей. Именно фактор общности (полного единства или частичного совпадения и т. д.) превращает то или иное социальное образование в социальный институт. А его организация служит лишь условием его функционирования подобно тому, как система кровообращения или организация высшей нервной деятельности служит условием жизнедеятельности человека.

В. Ванберг в своей книге «Правила и выбор в экономической теории» предложил интересную классификацию таких социальных институтов («правил игры»). Правила поведения он разделил на: 1) наследуемые, 2) естественно данные и 3) приобретенные, передаваемые через культуру. Последние, в свою очередь, он подразделил на: а) личностные и б) социальные, а социальные правила – на а) формальные и б) неформальные. К разряду формальных правил автор относил «частное» и «общественное» (публичное) право. Однако, как справедливо отмечает Р. Нуреев, эта классификация не лишена недостатков. «Ограниченность этой классификации проявляется в том, что она не показывает взаимосвязь и взаимовлияние различных типов правил. Реальная жизнь богаче этой схемы, поскольку правила постоянно изменяются, модифицируются, а не находятся в застывшем состоянии. Например, неформальные социальные нормы формализуются, закрепляются в праве; не подкрепленные санкциями формальные правила трансформируются в неформальные и т. д». [156, с. 56]. Об этом же пишет и Ю. П. Андреев: «Рассматривая социальные институты как своеобразную форму опредмечивания деятельности и общественных отношений, мы тем самым ставим их в зависимость от последних. Но и сами институты не индифферентны к сложившимся в обществе видам деятельности и общественным отношениям, которые они „обслуживают“» [11, с. 168]. Таким образом, авторы обратили внимание на переходный, трансформационный характер многих социальных институтов.

Обратимся к нормативной стороне вопроса, а именно к нормативной основе такого социального института, как социальное партнерство. В общем виде данный феномен обладает всеми необходимыми атрибутами социального института. В его структуре можно выделить субъект, объект и саму связь. Очевидно, что социальное партнерство – это некая общность людей. Вместе с тем за социальной формой следует видеть и конкретное содержание, которое состоит в определенных нормах (правилах) социального взаимодействия всех участников системы социального партнерства. Сегодня понятие «социальное партнерство» является во многих отношениях новым и мало изученным. Фундаментальные научные исследования по этой проблематике только начинают появляться. И это, безусловно, нега-

тивно сказывается на практическом решении вопросов, связанных с совершенствованием трудовой и социальной политики.

В Трудовом кодексе РФ дано следующее определение понятия «социальное партнерство»: «Социальное партнерство – система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» [364, с. 47]. Очевидно, что это определение весьма размыто, не конкретно и, с научной точки зрения, некорректно, поскольку предполагает включение в него и неких «иных» отношений. Отношения между адвокатами работодателей и работников никак не могут считаться непосредственно социальным партнерством. Кроме того, «направленность на обеспечение согласования» отнюдь не тождественна самой согласованности как таковой.

Существует и несколько иное понимание сути социального партнерства. Так, авторы известного словаря (справочника) рассматривают понятие социального партнерства как «специфический тип общественных отношений, присущих цивилизованному обществу с рыночной экономикой» [286, с. 236]. Однако, специфику социального партнерства как системы общественных отношений авторы не раскрывают.

Крайне проблематичным выглядит и определение социального партнерства как «специфического типа общественных отношений между социальными группами, слоями, классами, общностями», как «процесса создания единого социокультурного пространства, в котором обитают разные субъекты, согласные, невзирая на различие интересов, соблюдать общие „правила игры“, партнерские отношения» [429].

В этом определении акцент делается на различие интересов. В связи с этим остается неясной сама основа системы социального партнерства, тех общих «правил игры», которые принимают акторы, имеющие различные интересы.

В общем и целом, на сегодняшний день существует два подхода к определению социального партнерства: «широкий» и «узкий». «Широкий» подход связан с трактовкой социального партнерства как способа социального взаимодействия в целом, а не только в сфере социально-трудовых отношений. «Узкий» подход, наоборот, предполагает, что социальное партнерство характеризует только сферу социально-трудовых отношений и не распространяется на иные сферы социального взаимодействия.

Примером «широкой» трактовки рассматриваемого феномена может служить следующее: «Социальное партнерство – это отношение между основными социальными группами общества в осуществлении особого социального порядка, построенного на возможности и необходимости учета и реализации интересов сторон на основе согласия и взаимопонимания» [82, с. 23]. Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что социальное партнерство рассматривается как отношение (связь), а не как взаимоотношение (взаимосвязь, взаимодействие) и исключительно в контексте социальных групп. Тем самым из сферы социального партнерства исключается отношение (взаимоотношение) по оси «личность – государство».

Примером «узкой» трактовки социального партнерства может служить следующее: «Партнерство – это цивилизованная форма отношений в социально-трудовой сфере, обеспечивающая согласование и защиту интересов работников и работодателей путем заключения договоров, соглашений и стремления достичь консенсуса, компромисса по важнейшим направлениям социально-экономического и политического развития» [251, с. 23]. В этом определении полностью отсутствует культурный контекст, социальное партнерство рассматривается как атрибут цивилизации, как социальная технология. Но вне культуры нет и не может быть полноценного социального партнерства по той простой причине, что культура

представляет собой систему ценностей, ценностных ориентаций, на почве которых и сотрудничают субъекты партнерских отношений. Между культурой и цивилизацией столь же большая разница, как между действием и взаимодействием, сотрудничеством и конкуренцией.

Кстати, В. А. Михеев отмечает, что в советский период нашей истории сама возможность социального партнерства в социально-трудовой сфере отрицалась. Но от того, что сегодня желательно или даже необходимо такое партнерство в этой сфере организовать, вовсе не следует, что социальное партнерство имманентно сфере социально-трудовых отношений. Подобно разнице между естественным и искусственным кристаллом социальное взаимодействие в форме партнерства и в иных его формах существенно различно.

В последние годы в литературе появилась новая концепция социального партнерства – «межсекторное социальное партнерство». Недостатком этой концепции, на наш взгляд, является организационный фетишизм. Сторонникам данной концепции представляется, что социальное партнерство как таковое возможно только между *организованными* (в определенные социальные группы) участниками системы. Неорганизованные субъекты (например, индивидуальные предприниматели, надомные работники, даже иждивенцы) вроде как бы и не могут быть участниками социального партнерства. «Межсекторное социальное партнерство – это конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, обеспечивающее синергетический эффект от „сложения“ разных ресурсов и „выгодное“ каждой из сторон и населению» [437, с. 15].

Однако, данный подход все еще остается весьма формализованным, поскольку конкретные границы между разными секторами национальной экономики, культурными образованиями (например, представителями субкультур) или в политической сфере весьма размыты, а в условиях глобализма и быстро меняющейся структуры общества «секторный» подход остается на уровне локальной социализации и не отражает высший общественный уровень. Это своего рода упрощенный подход, в рамках которого его представители абстрагируются от реального многообразия модульностей социального партнерства и сводят сам феномен к некоей искусственной схеме.

Таким образом, по критерию *функциональности* мы можем выделить «широкий» и «узкий» подходы исследователей к данной проблеме, а по критерию субъектности также можно выделить два основных подхода к трактовке социального партнерства. Первый – организационный, связан с тем, что в качестве субъектов социального партнерства берутся определенные социальные группы, а не отдельные индивиды. Второй – институциональный, связан с тем, что в качестве партнеров рассматриваются даже не сами социальные группы, а институты, представляющие интересы этих групп. С точки зрения второго подхода, «социальное партнерство – это одна из форм взаимодействия институтов и государства» [251, с. 23]. Соответственно этой точке зрения следовало бы признать, что если неорганизованные индивиды в реальности вдруг оказываются участниками системы социального партнерства, то они по определению есть социальные институты. Но с такой позицией вряд ли можно согласиться. С другой стороны, если в системе социального партнерства участвуют только институты, то неорганизованным индивидам, которые в жизни реально выступают также участниками данной системы, просто не остается места в гносеологических конструкциях специалистов. И то и другое, на наш взгляд, представляется крайностями, не соответствующими реальности.

В целом, во многих исследованиях российских авторов по данной проблематике *социальное партнерство* понимается как сугубо *цивилизованный* вид общественных отношений [145]. Рассматривая данный феномен как порождение цивилизации вне культурного контекста, С. А. Иванов вообще видит место данного феномена лишь исключительно в социально-трудовой сфере, для согласования и защиты интересов работника, работода-

лей, органов власти и местного самоуправления путем достижения соглашения по проблемам социально-экономического и политического развития. Но известно, что способы такого согласования могут быть принципиально различными. В одних случаях такие способы культурные, а в других случаях – нет. Согласовывать свои интересы с интересами других можно и с помощью насилия, обмана или самого неприкрытого давления на контрагента. Практика выборных кампаний, например, свидетельствует о таких случаях, когда обещания не выполняются, результаты подтасовываются, а на избирателей оказывается отмеченное давление. И здесь чаще всего уповают на развитие практики контрактных (договорных) отношений (например, между работниками и работодателями, поставщиками и клиентами, органами власти и избирателями и т. д.). Один из наиболее признанных разработчиков теории оптимального контракта С. Сосье, например, считает контрактацию едва ли не универсальным способом согласования интересов всех участников системы социального партнерства. При этом он игнорирует принципиально различные стартовые условия, в которых находятся договаривающиеся стороны. Выделяя условные и свободные контракты, он продолжает известную традицию, заложенную еще Дж. Коммонсом (1862–1945), полагавшим, что контракт (трудовой договор) является наиболее эффективным инструментом достижения компромисса между трудом и капиталом. В книгах Дж. Коммонса «Промышленная доброжелательность» (1919), «Промышленное управление» (1923) и «Правовые основания капитализма» (1924) последовательно проводилась идея социального соглашения рабочих и предпринимателей посредством взаимных уступок и заключения контрактов. Развивая эту идею, С. Сосье, тем не менее, признает, что «поиск оптимальной контрактации, в частности, отражает признание существования множества возможных структур контракта, влияющих на эффективность и издержки» [156, с. 154].

Большая часть соглашений между работодателями и работниками в наших условиях относится все-таки к условным контрактам. При этом, контракты часто не исполняются или носят сугубо формальный характер. Возможности работника влиять на содержание и характер таких контрактов крайне невелики, в отличие от работодателей. Да и многие законы также являются условными и не исполняются часто по причинам отсутствия финансирования или иным обстоятельствам. Важно также иметь в виду распространенную в нашем обществе асимметрию информирования участников хозяйственных процессов. Информационная асимметрия также является причиной разрушения трудовых отношений и, в целом, деструкций в системе социальных взаимосвязей между различными участниками системы социального партнерства.

Сегодня общепризнано, что понятие «социальное партнерство» включает следующие элементы: совокупность различных (постоянно и временно действующих) органов взаимодействия между участниками хозяйственного процесса (двусторонних и многосторонних комиссий, служб, комитетов и т. д.); совокупность различных документов (отчетность) разных уровней (внутрифирменные распоряжения и инструкции, отраслевые нормативы и распоряжения, межотраслевые соглашения и графики, коллективные договоры, протоколы переговоров, консультаций и соглашений и проч.) и т. д. [286, с. 236–237]. Но это – сугубо организационно-экономическая трактовка понятия «социальное партнерство», которая не дает ответа на вопрос о том, что, собственно, делает систему социального взаимодействия *партнерской*.

И здесь следует заметить, что социальное партнерство можно рассматривать двояко даже в рамках социально-трудовых отношений. С одной стороны, социальное партнерство – это социальная технология регулирования социально-трудовых отношений, т. е. система взаимоотношений между работодателями, работниками, органами государственной власти и местного самоуправления, основанная на ведении переговоров, работе согласительных комиссий, поиске взаимоприемлемых решений. Это – сфера, если использовать терминологию

гию К. Маркса, *конкретного* труда. С другой стороны, социальное партнерство – это система отношений, регулирующая взаимосвязь между трудом и капиталом, совокупным работодателем и совокупным работником. И здесь социальное партнерство предстает как часть, составное звено более общей системы социальных взаимоотношений. Или, иначе выражаясь, это сфера *абстрактного* труда, создающего стоимость и прибавочную стоимость. Понятно, что сама система социального партнерства предполагает наличие определенных критериев и механизмов достижения социальной справедливости и установления оптимальных условий для воспроизводства рабочей силы и развития человека. Но будучи встроенной в более общую систему взаимодействия между трудом и капиталом, эта система часто оказывается не в состоянии обеспечить решение стоящих перед нею проблем в полном объеме. Поэтому необходимы определенные внутренние и внешние *институциональные* условия, при которых система социального партнерства работала бы.

Важнейшей институциональной предпосылкой функционирования системы социального партнерства является, на наш взгляд, *приоритет* интересов труда как источника совокупного богатства по отношению к интересам капитала. На наш взгляд, здесь следует исходить не из формального консенсуса интересов участников системы социального партнерства и тем более не из консенсуса интересов участников системы «труд – капитал», а из понимания особого значения труда в формировании национального богатства. Трудовая деятельность в жизни как отдельно взятого человека, так и общества в целом играет *ключевую* роль. Сам труд оценивается экономистами как *основа* и *причина* формирования цивилизации. А поскольку под системой социального партнерства подразумевают как раз степень (меру) цивилизации общества, то приоритет интересов труда есть *императив* развития самой цивилизации. Труд традиционно рассматривается в качестве *экономической* категории в координатах полезности, прибыли, выгоды, дохода, рентабельности и т. д. Но как основа цивилизации общества труд необходимо рассматривать и в качестве социальной категории, соответственно социальной сущности самого человека. Иначе говоря, понятие труда и трудовых отношений должно рассматриваться в контексте самореализации личности труженика, социального мира и стабильности в обществе, конструктивного социального взаимодействия. Именно для этого и необходима система социального партнерства.

Поскольку труд – это не просто *часть* материальной и социальной жизни человека, как считали и до сих пор считают многие авторы (Э. Дюркгейм, Л. Дюмон, К. Поляный и т. д.), а основа материальной и социальной жизни людей, постольку приоритет интересов труда в системе социального партнерства самоочевиден.

Понимание необходимости именно партнерских отношений между работником и работодателем давно присутствует в науке. Еще Э. Дюркгейм сформулировал теорию солидаризма, в которой показал, что даже в неразвитых архаических обществах существует некая связь, объединяющая людей в некое целое. При всей полярности индивидуальных интересов и потребностей частных лиц, они объединяются в определенный социум. Такую связь Э. Дюркгейм называл «*механической* солидарностью» [130].

Его современник Ф. Бастиа несколько иначе понимал основу социального партнерства и смысл солидарности. Рассматривая солидарность как *закон* человеческого существования, свойственный самой человеческой природе, Ф. Бастиа писал, что «причину солидарности невозможно выяснить иначе, чем через Откровение» [32, с. 383]. Тем самым, он выделял «*духовную* солидарность», объединяющую индивидов в общество.

В России П. А. Кропоткин особое внимание обратил именно на *социальный* аспект солидарности. Рассматривая проблему солидарности в координатах нравственности и морали, он осуждал аморальное поведение русских нуворишей: «Все, что было хорошего, великого, великодушного в человеке, притупляется, мало-помалу ржавеет, как ржавеет сталь без употребления. Ложь становится добродетелью; подличанье – обязанностью. Нажиться,

пожить всласть, растратить куда бы то ни было свой разум, свой огонек, свои силы становится целью жизни для зажиточных классов, а вслед за ними и у массы бедных, идеал которых – казаться людьми среднего сословия...» [189, с. 281]. Сформулировав свою концепцию взаимопомощи, он пытался обосновать ее в качестве не только закона природы, но и главного фактора эволюции человеческого общества. И особое внимание П. А. Кропоткин уделял *социальному* аспекту человеческой солидарности.

Наконец, с развитием общественного разделения труда и переходом мировой экономики к индустриальному (машинному и поточному) производству проблематика солидарности обрела и свое экономическое содержание. Д. С. Миль одним из первых использовал термин «партнерство» для характеристики социально-экономических отношений. Он отмечал, что *естественная* эволюция капитала при определенных условиях ведет к формированию отношений партнерства между собственниками и наемными работниками. Он также выделял две возможные формы такого партнерства: либо в форме объединения самих рабочих и капиталистов-собственников; либо путем объединения самих рабочих между собой и *против* капиталистов-собственников. В целом, эта концепция восходит к известным рассуждениям А. Смита о том, что в условиях рыночной экономики любая часть общества вынуждена вступать в партнерские отношения с остальными его частями. Связывая это с общественным разделением труда, А. Смит рассуждал: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим о наших нуждах, а только об их выгодах» [329, ч. 1, с. 448].

Однако, А. Смит, полагая партнерство *естественным* условием рыночного хозяйства, вел речь об обществе, жившем по духовно-нравственным религиозным предписаниям. В обществе, в котором духовно-нравственные основы ослаблены или разрушены, такое партнерство становится весьма и весьма проблематичным.

В истории проблемы социального партнерства существуют и другие концепции, объясняющие солидарность и партнерство как *неестественные* (искусственные) формы социальных взаимоотношений в обществе. Можно, например, назвать теорию Н. Макиавелли, который особое внимание уделял изучению социальных конфликтов и их природы. Он, в частности, предложил свои интересные способы воздействия на конфликты и считал, что конфликты несут не столько отрицательное, сколько положительное начало. Он пришел к выводу, что из теории конфликтов вытекает и теория социального партнерства. Поскольку конфликтующие стороны вынуждены на определенном этапе конфликта договариваться, достигать компромисса и согласия, то необходима разработка определенных процедур и правил (переговоров, согласований, координации, взаимного контроля и ответственности и т. д.). Но будет ли результатом такого компромисса именно партнерство, вот в чем вопрос. В теории Н. Макиавелли все же был заложен определенный порок. Рассматривать конфликт как нечто положительное представляется спекулятивным. Однако и сегодня конфликтность рассматривается отдельными авторами как ценность, поскольку «конфликтная личность, прежде всего, настроена на конкуренцию» [51, с. 17]. А конкуренция представляет собой основу рыночной экономики.

Несмотря на разные подходы к анализу феномена социального партнерства, большинство авторов признает, что такое партнерство основывается на определенной близости интересов участников данной системы. В связи с этим можно вспомнить о том, что социальное партнерство не является каким-то новым изобретением. Оно, например, было присуще еще русской крестьянской общине. Историки определяют общину как «замкнутую локальную организацию, для которой мир оканчивается за околицей. Община выступала хранительницей древних форм социальных связей. Все дела решались сельским сходом, в котором принимали участие главы крестьянских семейств» [24, с. 361].

Элементы социального партнерства можно обнаружить и в организации трудовых артелей различных товариществ, кооперативов и т. д. И даже такие сугубо локализованные формы социального взаимодействия, как *кланы*, *кластеры* и *клиентелла* свидетельствуют о достаточно значимом историческом опыте развития партнерских отношений и наличии в структуре этих форм социального взаимодействия конкретных элементов социального партнерства. В современных условиях постиндустриального развития элементы социального партнерства можно выявить даже в кластерах и сетевых структурах. Но они, естественно, не являются *доминантой* в системе социального взаимодействия участников таких структур.

Иное дело, когда речь идет об *институте* социального партнерства. Как любой институт, социальное партнерство может быть представлено в виде системы принципов, норм и правил. И вряд ли здесь можно полностью согласиться с утверждением о том, что «моральные нормы не являются институциональными» [11, с. 171]. Поскольку моральные нормы «определяют стандарты поведения людей», они по определению институциональны. Вопрос о субъектности таких норм или о социальной их предметности – это несколько иная грань проблемы. Естественно, что никакие моральные нормы не действуют без субъектов, без их «носителей». Но присутствие в этих нормах социального компонента, выработанного самими субъектами, это все равно что «вещь, взятая в ее инобытии». Есть здание, которое можно рассматривать как вещь саму по себе, но есть замысел здания, его образ и даже проектно-сметная документация. И какой бы субъект не приступал к строительству здания, он будет обязан соблюдать требования такой документации, самого замысла. Отсюда можно сделать вывод о том, что понятия «институт» и «институция» в определенном смысле могут быть идентичными, несмотря на их расхождение по критерию субъектности или критерию объективации.

Здесь, на наш взгляд, крайне важно не противопоставлять социальный институт как некое социальное образование институции как тому же социальному образованию. Дело в том, что такое противопоставление методологически представляется некорректным и часто ведет к искажениям самой социальной реальности. Например, когда утверждается, что «социальное партнерство – это действие в рамках гражданского общества, предполагающее активную роль общественности» [211, с. 46]. Из этого заявления следует, что социальное партнерство уже существует при гражданском обществе, а не является его предикатом, предварительным условием. Иначе говоря, социальное партнерство не может существовать вне гражданского общества и правового государства. Но история свидетельствует о том, что различные модальности социального партнерства можно обнаружить даже в античных рабовладельческих городах-государствах, не говоря уже о более позднем времени. Решения, принимавшиеся на агоре – центральной площади греческих городов – свидетельство такого партнерства. Взаимные отношения между Ганзейским союзом немецких городов и властными структурами, или между Ост-Индской (1602) и Вест-Индской (1621) компаниями и голландскими властями – также пример социального партнерства (между государством и бизнесом).

И такие примеры можно обнаружить и в более позднее время. Вот пример из советской истории: временный союз пролетариата (рабочих промышленных предприятий) и бедных крестьян (батраков) по нейтрализации середняка и борьбе с кулаком. Но известно, что *гражданского общества* в те времена не было. Как не было и самого *правового* государства в современном его понимании.

Поэтому институт социального партнерства, как свидетельствует история, может существовать в самых различных модальностях. Он может быть усеченным, акцентуированным, амбивалентным, приоритетным, избирательным и т. д. и сегодня он вполне может деформироваться в «дружбу» власти и бизнеса против наемных работников или для очередного передела собственности. Но отрицать его, этот институт как таковой, в условиях отсут-

ствия гражданского общества нет никаких оснований. Потому что даже при избирательном или усеченном субъектном его «наполнении» сама его предметность зависит от норм морали и «правил игры». Подобно неполной группе в детском саду или недостаточной наполняемости классов в средней школе такой социальный институт может представляться кому-то неполноценным. Но содержание (воспитательного процесса в таком детском саду или образовательного процесса в такой школе) все равно должно оставаться (и остается) соответствующим установленным требованиям (неким нормам и стандартам).

Система социальных институтов сегодня достаточно многообразна, что обусловлено некоторой размытостью в представлениях о сущности данного понятия. Переплетение понятий «норма», «принцип», «установка», «правило», а также многообразие компонентов, включаемых в структуру социальных институтов, делают допустимым обозначение в качестве социального института искусства, науки, религии, материального производства и любого другого социального явления. А рассмотрение данного понятия в контексте социального статуса, социального положения, социальной роли и социальной организации вообще превращает социальный институт в некую ассоциацию субъектов деятельности.

Таким образом, налицо субъектная и объектная версии в понимании социальных институтов. Первая версия связана с трактовкой социального института как некоей социальной общности людей (экономической, идеологической, политической, культурной, этнической и т. д.). Вторая версия связана с акцентом на формы социального поведения людей. Ясно, что одни и те же люди могут принадлежать к различным социальным общностям. При этом могут они и по-разному вести себя. Так, покупатель и продавец или учитель и учащийся часто совпадают в одном лице, но их поведение принципиально отличается. Возникает своеобразный тип некоего «продвинутого» компетентного покупателя (если продавец знаком с техникой продаж) или обучаемого педагога (если педагог занимается самообразованием или повышает свою квалификацию). Это обусловлено действием социальных институтов, под которыми подразумевается «совокупность привычных форм поведения людей в определенных ситуациях, закрепленных в культурной традиции или формальном акте и способствующих минимизации издержек во взаимодействии между субъектами» [193, с. 171].

Сегодня институциональная теория сконцентрировала свои усилия в основном на социально-экономической интерпретации социальных институтов и рассматривает их в контексте таких понятий, как эффективность, полезность, выгода, рентабельность. Понятно, что такой экономический контекст отражает философскую традицию гедонизма и прагматизма, когда то или иное явление трактуется с позиций рациональности. Поэтому социальный институт сегодня чаще всего рассматривается как «макроэкономическая категория», как фактор, «оказывающий весомое влияние на экономические процессы» [193, с. 171]. При этом социальные институты находятся в постоянном движении, что обычно называется «институциональными изменениями». В литературе все возможные институциональные изменения группируются в три основных блока: 1) непрерывные институциональные изменения за счет закрепления неформальных правил, норм, институтов в относительно малых группах с семейно-родственными связями; 2) эволюционные изменения общественно значимых институтов; 3) революционные институциональные изменения [271, с. 21].

Несмотря на различные теоретико-методологические подходы исследователей к трактовке понятия «*социальный институт*», всех их характеризуют следующие общие воззрения:

– «институты имеют значение», т. е. они оказывают влияние на характер и результаты деятельности;

– человеческое поведение не характеризуется тотальной рациональностью, его важной характеристикой выступает и ограничение рациональности как таковой;

– осуществление эволюции социальных институтов связано с социальными (общественными) издержками, оказывающими существенное влияние на развитие самих социальных институтов, их эффективность и динамику [414, с. 158].

Отталкиваясь от этих представлений, можно сделать следующие наблюдения. *Во-первых*, наиболее динамично развиваются наименее затратные социальные институты и наименее динамично – наиболее затратные социальные институты. В этом плане институт социального партнерства представляется одним из наиболее затратных (по времени, материальным и финансовым затратам, по сложности вопросов его организации и т. д.). Этим объясняется довольно низкая его динамика в исторической ретроспективе. *Во-вторых*, поскольку рационализм не играет всеобъемлющей роли в формировании социальных институтов, многие из них могут быть просто иррациональными. Институт социального партнерства в определенном смысле слова также может представляться как иррациональный, поскольку понятия рентабельности, самоокупаемости или экономической выгоды к нему мало применимы. В самом деле, вопросы о том, сколько может стоить жизнь и здоровье человека, нормальная экология или семейное благополучие, выглядят риторическими. Конечно, экономист может (и, наверное, должен) знать ответ на «цену вопроса». Но цена самой человеческой жизни считается выше любых затрат. Поэтому экономия на последних в этом плане всегда будет выглядеть аморальной.

Поэтому нельзя согласиться с мнением, согласно которому «основным показателем эффективности [функционирования] институтов является размер достигнутой благодаря им минимизации издержек» [367, с. 97]. Любые издержки считаются социально оправданными и, следовательно, эффективными, когда речь заходит о социальной безопасности человека, его физическом и нравственном здоровье. Иные трактовки эффективности сугубо умозрительны. И здесь пролегал глубокое противоречие между экономистами, трактующими значение социальных институтов, с одной стороны, и всеми другими исследователями, трактующими институты с позиций абсолютных ценностей человеческого бытия, с другой стороны. Попытки современных экономистов измерять высшее – низшим, смысл и качество жизни человека – размером затрат или рентабельностью инвестиций представляются нам тем самым экономизмом, который еще С. Н. Булгаков предлагал нравственно, внутренне преодолеть. Он писал по этому поводу: «В известном смысле экономический материализм даже и неуничтожим, настолько в нем находит выражение некоторая непосредственная данность переживаний или историческое самочувствие, ищущее для себя теоретического выражения в научной или философской доктрине. Эта последняя может быть крайне неудачна по своему выполнению, но настроение, ее создавшее, этим не устраняется. Та особая и неотразимая жизненная правда, что приоткрылась и интимно почувствовалась с такой серьезной и горькой искренностью нашей современностью, делает экономический материализм в известном смысле неопровержимым. Он не может быть просто отвергнут и опровергнут, как любая научная теория. Он должен быть понят и истолкован – не только в своих явных заблуждениях и слабых сторонах, но и в том вещем содержании, которое через него просвечивает. Он должен быть не отвергнут, но *внутренне превзойден*, разъяснен в своей ограниченности как философское „отвлеченное начало“, в котором одна сторона истины выдается за всю истину» [62, с. 7].

Однако, такого внутреннего преодоления ограниченного экономизма в современной неинституциональной теории явно не наблюдается. Скорее наоборот, усиливается персоналистская направленность в трактовке социальных институтов. К сфере социального партнерства это относится в первую очередь.

Вот как модель сотрудничества рассматривал лидер европейского персонализма Э. Мунье: «В совершенном обществе сотрудничество было бы всесторонним. Каждый реализовал бы себя, руководствуясь собственными требованиями, последовательно и абсолютно

свободно развивал бы свои способности» [255, с. 89]. В его понимании социального мира и социального партнерства лежат исключительно «собственные интересы личности». Именно на этой основе он мыслит так называемое «плюралистическое сплочение» [255, с. 96]. Противопоставляя гражданское общество либеральному и тоталитарному обществу, Э. Мунье выдвигает идею создания персоналистского и одновременно *общностного* строя, в котором люди смогут развиваться «друг через друга». Идея плюралистского взаимодействия рассматривается им в категориях «защитного действия», «органического действия», «действия свидетельствования и разрыва» и «неучастия». С их помощью автор конструирует собственную модель социальных взаимоотношений, которая институционально отличается от всех известных в науке.

В рамках современной общей неинституциональной теории все социальные институты соотнесены по трем уровням:

- личностный (индивидуальный) уровень;
- различные институциональные соглашения между разными участниками системы социального взаимодействия;
- институциональная среда как совокупность основополагающих политических, социальных, экономических и юридических правил, детерминирующих социальные отношения.

Такая градация социальных институтов выглядит некорректной, поскольку в ней не прослеживается четкая критериальность. Так, если в качестве *первого* уровня предлагается выделять личностный (индивидуальный), то логичным было бы в качестве *второго* уровня социальных институтов выделить локальный (например, групповой, корпоративный, коллективный или классовый), а в качестве *третьего* уровня – непосредственно – общественный (на уровне народа, нации, этноса и т. д.). С другой стороны, понятие «институциональная среда» до сих пор не имеет четкого толкования в литературе и порой отождествляется с понятием «институциональная структура». Включая в институциональную среду политические, экономические, психологические, морально-этические, культурно-исторические, этнические и многие иные факторы, исследователи порой чрезмерно расширяют толкование понятия «институциональная среда». Как точно подметил Г. Б. Морозов, «создание, например, правовой базы для частной собственности не означает, что она действительно может функционировать в экономике как рыночный институт» [193, с. 175]. Аналогичным образом обстоит дело и с развитием профессиональной культуры или интеллектуальной деятельности людей, результаты которой отнюдь не всегда коммерциализируются самими творцами. В рамках стихийно развивающегося общественного разделения труда и социальной специализации возникает определенный разрыв между производством и обменом результатами своей деятельности. Отсюда и неоднородность самих социальных институтов. Существуют системообразующие социальные институты, определяющие тип социальных отношений, и сугубо функциональные социальные институты, лишь «обслуживающие» уже сложившийся тип социальных связей в обществе. Институциональная структура таким образом может быть рассмотрена в экзогенном аспекте (как совокупность основополагающих и функциональных социальных институтов) и в эндогенном аспекте (как структура каждого конкретного института).

Последний аспект предполагает использование в качестве характеристик внутренней институциональной структуры таких понятий, как «иерархия», «организация», «система» и «содержание».

Организация предполагает способ(ы) взаимодействия всех содержательных компонентов (элементов) структуры социального института. Иерархия означает внутреннюю ранжированность, спецификацию и соподчиненность конкретных содержательных элементов социального института по отношению друг к другу. Содержание предполагает предметность каждого конкретного компонента в структуре социального института, его наполненность

определенным смыслом. Наконец, система представляется нам как некая целостность, обеспечивающая развитие и функционирование социального института.

Соотнесение всех выше указанных компонентов в структуре социального института позволяет разрабатывать их типологию. Например, Г. Спенсер выделял три основных типа социальных институтов: континуитетные (продолжающие род, традицию и т. д.), распределительные и регулирующие. Основанием для такой типологии он выбрал биологический организм, для которого характерными являются такие функции, как питание, распределение и регулирование жизненных процессов. Однако, такая типология не прижилась в современной неинституциональной теории по ряду причин. *Во-первых*, на лицо тривиальный социал-дарвинизм, т. е. перенесение процессов из природы в социальную сферу. Однако, такое перенесение не учитывает специфику социального развития как такового. *Во-вторых*, это все то же отсутствие монистического критерия типологии, когда допускается «смещение функций». Ведь «распределение» и «регулирование жизненных процессов» по сути одно и то же. *В-третьих*, в данной типологии типы социальных институтов детерминированы этапами их развития, т. е. взяты как бы в незавершенном, незаконченном виде. А это также не отвечает требованиям аналитического мышления. Судить о сущности и характере явления (в нашем случае, о социальном институте) по зародышу или неразвитой его форме означает порой выдавать желаемое за действительное.

Однако, именно из типологии Г. Спенсера «выросло» то самое направление в современной институциональной теории, представители которого рассматривают институты как определенные группы людей. Поэтому, при всех расхождениях во взглядах Г. Спенсера и К. Маркса, в них есть и нечто общее: генезис социальных институтов трактуется, в первую очередь, именно в духе сугубо *физической* социализации, хотя и признается значение моральных (нравственных) аспектов.

Иную типологию предложили Л. фон Штейн (один из разработчиков теории социального государства) и П. Блау. Они классифицировали социальные институты под углом зрения тех моральных (нравственных) ценностей, которые они воплощают. Они выделили три группы социальных институтов:

- интегративные институты, деятельность которых направлена на сохранение, укрепление и совершенствование солидарности и социального взаимодействия;
- дистрибутивные институты, деятельность которых основана на универсальных ценностях и направлена на стимулирование субъектов социальных отношений;
- организационные институты, деятельность которых направлена на повышение общей (социальной, политической, экономической, экологической и т. д.) их эффективности [187, с. 349–357].

На самом деле, такая типология также представляется весьма условной и в определенном смысле искусственной. Она не учитывает «*интерференции порядков*», или, выражаясь языком В. Ойкена, их «*интердепенденции*» [275, с. 394 и др.], т. е. переплетения и частичного совпадения характеристик друг друга. Она не предполагает выявления промежуточных, смежных, переходных типов социальных институтов, а в реальной жизни именно такие типы встречаются чаще всего. И именно такие типы наибольшим образом детерминируют социальное партнерство. Признавая это, В. Ойкен писал: «Между социальными желаниями многих людей и знаниями, необходимыми для решения социальных вопросов, зачастую существует целая пропасть» [275, с. 403]. Заявляя дальше о том, что задача формирования эффективной социальной политики является «самой трудной», лидер Фрайбургской научной школы ссылается на известные рассуждения И. Канта о том, что трудность данной задачи обусловлена тем, что «ее совершенное решение невозможно: из такого искривленного дерева, из которого сделан сам человек, нельзя смастерить ничего прямого. И только приближение к этой идее возложено на нас самой природой» [275, с. 404]. Поэтому необ-

ходимо понимать дистанцию, которая лежит между принципами деятельности социальных институтов и самими социальными институтами как таковыми.

Очевидно, что сами по себе принципы являются лишь *исходными*, начальными установками поведения людей и деятельности институтов. Эти принципы (лат. *principium* – начало, основа, первопричина) лишь определяют общее направление человеческой деятельности. Именно в силу своей фундаментальности, определения генеральных линий поведения человека, они являются атрибутами социальных институтов. В частности, системы социального партнерства. Но для актуализации принципов необходимы нормы и установки. Нормами в структуре института социального партнерства следует считать общие схемы и сценарии поведения людей, которые обеспечивают максимально полное социальное взаимодействие. Иначе говоря, норма – это правило, которое нельзя нарушать. Установкой следует считать некий мотив, в силу которого человек выбирает для себя конкретные схемы и сценарии поведения в рамках системы социального партнерства. В качестве таких установок могут быть выбраны доверие, уважение, общение и иные конкретные мотивы, либо их комбинации.

Важно, что система социального партнерства определяется качественностью. Под качеством в данном случае следует понимать соответствие отдельных элементов института его целевым установкам. Соответствие отдельных элементов целого самому целому – это проблема достаточно острая. По мнению Дж. Э. Мура, «ценность целого не обязательно должна быть равна сумме ценностей его частей» [256, с. 61]. С этим суждением вполне можно согласиться, учитывая достаточно часто наблюдаемый синергетический эффект в функционировании института социального партнерства. Как утверждает Б. М. Генкин, «отношения партнерства обеспечивают достижение синергетического эффекта от согласованной деятельности людей и социальных групп» [87, с. 316]. Следовательно, такое согласование деятельности людей и социальных групп представляется вроде бы единственно правильным сценарием их поведения.

Однако другое суждение Дж. Э. Мура настораживает. Он утверждает, что «добро не определимо», а «утверждать, что определенная линия поведения является в данное время абсолютно правильной или обязательной, очевидно, означает то же самое, что и попытаться установить, больше добра или меньше зла будет существовать в мире, если принята будет эта линия поведения» [256, с. 52, 59].

Но социальный институт партнерства как норма поведения людей не может не рассматриваться как ценность, как добро. Больше того, он не может не быть обязательным, потому что «необязательная норма» – это все равно что «сухая влага», т. е. нонсенс. Определенный сциентизм в суждениях Дж. Э. Мура заставляет нас обратиться к характеристике качественности института социального партнерства, в структуре которого могут быть совершенно разные содержательные элементы, порой прямо противоположные друг другу. Это связано с объективными интересами разных участников системы социального партнерства и необходимостью согласования, координации таких интересов.

И здесь мы сталкиваемся с проблемой диалектического противоречия исходных объективных интересов и субъективных потребностей участников системы социального партнерства на всех без исключения уровнях ее, системы, функционирования. Это не просто диалектические противоречия, возникающие между трудом и капиталом, работодателем и работником, но и диахронические противоречия (возникающие, например, между поколениями), а также этно-социальные противоречия, проявляющиеся между представителями различных социумов и этносов.

Как учение о единстве и борьбе противоположностей, диалектика рассматривает противоречие как тождество противоположностей. Исходя из этого тезиса, можно предположить, что, несмотря на всю остроту конкретных противоречий между всеми участниками

системы социального партнерства, они, в конечном счете, «снимаются» единством, т. е. переводом в новую плоскость социальной онтологии. Но всегда ли это возможно? Ведь противоречия могут быть антагонистическими, т. е. непримиримыми в рамках одной конкретной системы координат или в масштабах конкретного социального института. А если противоречия между трудом и капиталом признать, согласно марксистской доктрине, антагонистическими, то возникает резонный вопрос о том, можно ли вообще считать систему социального партнерства социальным институтом, т. е. таким социальным образованием, которое возникает и функционирует на основе единых, общих для всех его участников ценностных ориентаций. Ведь понятно же, что мировоззренческие убеждения, идеалы и принципы у разных представителей системы социального партнерства различные. И это те самые «узлы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца» [232, с. 118]. Так не является ли идея о социальном партнерстве некой утопией, мифологией социальной реальности?

Представляется, что социальное партнерство действительно может рассматриваться как социальный институт, прежде всего, потому, что наряду с тем, что расщепляет и разъединяет участников системы социального взаимодействия, в практике развития социальных связей *всегда* присутствует и то, что способствует их объединению и взаимодействию. И именно этот консолидирующий фактор доминирует в данном социальном институте. Прежде всего – это равенство возможностей, которое зафиксировано Трудовым кодексом РФ (например, равенство возможностей при поступлении на работу – ст. 16; и равенство в условиях оплаты труда – ст. 77). Именно социальное равенство как исходное условие формирования системы социального партнерства предполагает превалирование в его структуре тех мотивов и стимулов, которые консолидируют общество, а не разобщают его. Благодаря равенству возможностей институт социального партнерства способен преодолевать феномен социального отчуждения, проявляющегося в настроениях беспомощности, бессмысленности и отстраненности [328]. Равенство возможностей для представителей самых разных социальных групп в формировании их гражданских прав, в их участии в социально-трудовых отношениях и т. д. несовместимо с дискриминацией, хотя и допускает возникновение конфликтов. Но конфликты как форма противоречия в условиях социального партнерства перестают быть антагонистическими именно потому, что все стороны конфликта намерены его устранить и сделать это на основе взаимной координации и согласования своих действий. И это – принципиальная сторона в формировании института социального партнерства. В рамках данного института вполне конструктивными могут быть либо отношения сотрудничества, взаимной помощи, кооперации, либо конкуренции, соперничества, соревнования. Но смешивать эти два основных вектора в развитии системы социального партнерства, как это порой делается ее участниками, не следует. Дело в том, что социальная конкуренция и различные ее формы (политическая, экономическая и т. д.) не имманентны сотрудничеству и взаимопомощи. В основе конкурентной модели социального развития лежит идеология индивидуализма и персонализма. В основе солидаристской модели социального развития, наоборот, лежит идеология коллективизма. И хотя в определенном смысле эти модели могут быть совместимы (например, в рамках конкретной социальной группы, конкурирующей с другой социальной группой вполне можно предположить наличие солидарности, основанной на общей ответственности и общности интересов данной конкретной группы), они *принципиально* все-таки различны.

Сущность института социального партнерства как раз и раскрывается через *формальные* и *неформальные* нормы или принципы, регламентирующие его функционирование.

К числу *формальных* норм, регламентирующих функционирование системы социального партнерства, можно отнести следующие: 1) право на труд; 2) право на справедливые условия труда; 3) право на безопасные и здоровые условия труда; 4) право на справедливое вознаграждение; 5) право на свободу объединения в организации; 6) право на коллективные

договоры; 7) право детей и молодежи на защиту; 8) право женщин на охрану материнства; 9) право на профессиональную ориентацию; 10) право на профессиональное обучение; 11) право на охрану здоровья; 12) право на социальное обеспечение; 13) право на социальную и медицинскую помощь; 14) право на социальное обслуживание; 15) право нетрудоспособных лиц на независимость, социальную интеграцию и участие в общественной жизни; 16) право на социальную, юридическую и экономическую защиту семьи; 17) право детей и молодежи на социальную, юридическую и экономическую защиту; 18) право заниматься деятельностью, приносящей доход на территории других государств; 19) право работников-мигрантов и их семей на защиту и помощь; 20) право на равные возможности и равное обращение в сфере занятости без дискриминации по признакам пола; 21) право на информацию и консультации; 22) право участвовать в определении и улучшении условий труда и производственной среды; 23) право граждан пожилого возраста на социальную защиту; 24) право на защиту при увольнении; 25) право работников на защиту их требований в случае банкротства предпринимателя; 26) право работников на защиту своего достоинства во время работы; 27) право работников с семейными обязанностями на равные возможности и равное обращение; 28) право представителей работников на защиту и льготы на предприятиях; 29) право работников на информацию и консультации при коллективных увольнениях; 30) право на защиту от бедности и социального остракизма; 31) право на жилье [132].

Учитывая то обстоятельство, что РФ в мае 1996 г. ратифицировала «Европейскую социальную хартию», все права, сформулированные в ней, действуют и на территории нашей страны. Однако, как формальные нормы эти права во многих отношениях остаются расплывчатыми. Так, право на защиту при увольнениях подразумевает, что работник не может быть уволен без уважительной причины, но юридического определения того, что является уважительной причиной, ни в самой Европейской социальной хартии, ни в российском законодательстве нет. Или право на жилье, под которым подразумевается обязательство со стороны власти и работодателя «принимать меры, направленные на предоставление жилья на уровне адекватных стандартов». Но что такое «адекватные стандарты» и какие именно меры в этом отношении будут достаточными, в законодательстве также не определено.

Конечно, следует признать, что «Европейская социальная хартия» является шагом вперед по отношению к Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г., поскольку существенно детализирует и конкретизирует права граждан – участников системы социально-трудовых отношений. Но нерешенные проблемы остаются.

Еще больше проблем возникает при определении неформальных норм, регламентирующих функционирование системы социального партнерства. Есть разные суждения на этот счет. Так, некоторыми авторами предлагается следующий перечень неформальных норм, лежащих в основе социального партнерства: 1) информационная открытость; 2) равноправие участников; 3) взаимная ответственность; 4) экономичность; 5) принцип единства требований; 6) принцип состязательности (конкурентности); 7) принцип законности; 8) принцип эффективности; 9) принцип объективности (справедливости); 10) принцип конфиденциальности; 11) принцип эмерджентности; 12) принцип упорядоченной целостности; 13) принцип иерархичности [185, с. 284]. Однако, конкретизация этих принципов остается недостаточной. Так, не совсем ясно, как можно обеспечить принцип информационной открытости в случаях, когда речь идет о государственной или коммерческой тайне; нет четкости и в толковании принципа иерархичности, под которой подразумевается либо уже сложившаяся система распределения обязанностей, либо желательная и т. д. Поэтому и здесь предстоит еще много сделать для кодификации системы социального партнерства. Тем более, что ряд неформальных принципов (например, принцип социальной ответственности) вообще никак не прописаны в законе, а власть и общество ожидают от бизнеса социально ответственного поведения.

В связи с этим следует иметь в виду, что любая норма представляет собой триединство диспозиции, оценки и санкции. В формальных нормах это просматривается более отчетливо, чем в неформальных нормах. Диспозиция как исходное требование (установка) определяет обязанность конкретных лиц (физических и юридических) в отношении друг друга. Оценка предусматривает определение меры ответственности за исполнение или неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанности. Наконец, санкция выступает как средство наказания (или наоборот, поощрения) за безответственное или, наоборот, ответственное поведение. Санкции в обыденном сознании ассоциируются, как правило, с наказанием, что не совсем точно. Санкционируются, как известно, и поощрения.

В общем и целом, существуют различные трактовки институциональных установок (норм). Так, Э. Дюркгейм рассматривал институциональные нормы в контексте прав и обязанностей и считал их объективными законами человеческого поведения [129]. Представители экзистенциализма наоборот, рассматривали институциональные установки как чисто субъективные побуждения человека.

Существуют авторитаристская и конвенционалистская трактовки институциональных норм, которые исходят из разных предпосылок: в первом случае нормой считается то, что освящено авторитетом и закрепилось в качестве исторического опыта, во втором случае нормой считается то, что стало предметом договоренностей, соглашений, некоего консенсуса. Но, тем не менее, никто из представителей названных подходов не отрицает необходимости социального партнерства, хотя и вкладывает порой в него свой особый смысл.

Можно выделить несколько теоретико-методологических подходов и в понимании сущности самого феномена социального партнерства.

Во-первых, механистический подход, представители которого рассматривают партнерство как строгую подчиненность (соподчиненность) всех участников системы социального взаимодействия (по аналогии с устройством машины, в которой, несмотря на важность тех или иных узлов и деталей, все они имеют свой смысл и обеспечивают целостность машины).

Во-вторых, бюрократический подход, представители которого трактуют партнерство как строго определенную процедуру (или комплекс процедур) по разработке и согласованию принимаемых решений или предпринимаемых действий. *В-третьих*, персоналистский подход, представители которого рассматривают возможность социального партнерства в контексте инициативности, личной свободы, активной жизненной позиции самого человека. *В-четвертых*, коллективистский подход, представители которого понимают под социальным партнерством совместные (коллективные) действия сторон данной системы и полагают, что «один в поле не воин». *В-пятых*, гуманистический подход, представители которого в анализе феномена социального партнерства делают акцент на неформальные (прежде всего, межличностные) отношения и отвергают шаблонный тезис «ничего личного». *В-шестых*, интеракционистский подход, представители которого особое внимание в развитии социального партнерства уделяют психологическим факторам (одобрение, порицание, поддержка, мотивация и т. д.).

В-седьмых, экзистенциалистский подход, представители которого считают, что социальное партнерство (в отличие от конкуренции) возможно только в крайних (пограничных) случаях. Например, в условиях войны, пандемии и т. д.

Различие в подходах дает основание утверждать, что феномен социального партнерства – это еще и *идеологический* феномен. «Социальное партнерство – это идеология, формы и методы согласования партнеров социальных групп для обеспечения их конструктивного взаимодействия» [87, с. 321]. И в качестве идеологического феномена социальное партнерство призвано обслуживать интересы конкретных социальных групп, как правило, находящихся у власти или при собственности.

Не случайно поэтому в современной литературе появились суждения о том, что подлинное социальное партнерство как таковое невозможно, поскольку российское общество по определению не рыночное. А раз «не рыночное», значит ни о какой свободе или согласовании интересов речь уже не идет. Л. С. Васильев, например, полагает, что государство в любой стране всегда было и остается крупнейшим собственником, а связка «власть-собственность» постоянно сохраняется в качестве институциональной основы всей системы социальных отношений [69]. С этим вполне можно согласиться, если вспомнить о том, что практически все формы наделения государством своих подданных земель (*джагиры* в древней Индии, *улусы* в средневековой Монголии, *катиа* и *химма* в Арабском халифате или *феоды* в средневековой Европе) осуществлялись на принципах ленной зависимости и несения службы в его пользу. «Наделение» Советским государством крестьян землей на правах «вечного пользования» также сохраняло зависимость между работником и государством, но собственником оставалось все-таки государство. Естественно, что собственность может быть условной и безусловной, полной или с обременением, реальной и фиктивной и т. д. Учитывая это обстоятельство, С. Г. Кирдина предложила понятие «условная верховная собственность», под которой подразумевается право государства при определенных условиях лишать собственности любое не угодное ему физическое или юридическое лицо [177]. В современных условиях было бы слишком оптимистичным утверждать, что государство отказалось от такого «верховного» права. А тогда какова же цена самого феномена социального партнерства? Очевидно, что оно становится из добровольного (по замыслу его архитекторов) добровольно-принудительным. А это – существенная деформация данного социального института.

Еще более определенно на этот счет высказывается О. Э. Бессонова, которая предлагает рассматривать систему социальных отношений между государством и работодателями и наемными работниками как «систему сдач – раздач» [44]. Приватизация 90-х гг. XX в. или государственные контракты для госкорпораций в первое десятилетие XXI в. – свидетельство «либерального раздатка», который давно уже подменил собой рынок. Но одновременно это и свидетельство элементарного социального картелирования, который подменяет и социальное партнерство как таковое. Иначе говоря, в начале XXI в. в нашем обществе существует в общем и целом все та же усеченная и избирательная модель социального партнерства, при которой «кому-то хорошо, когда другому плохо».

Поэтому необходимо совершенствование системы социального партнерства до социально более зрелых, гуманных и эффективных его модальностей.

Генезис института социального партнерства имеет свою историю. На протяжении сотен веков социальные отношения между «верхами» и «низами» любого общества были антагонистическими. На этой почве возникла классовая идеология, рудиментарное сохранение которой наблюдается до сих пор. И только со второй половины XX в. в развитых странах мира более или менее прекратились попытки насильственного изменения общественного строя. Это стало возможным с формированием института социального партнерства.

Естественно, что в разных странах данный институт проявляет себя по-разному и обладает различной степенью зрелости. Именно поэтому мы наблюдаем «приливы» и «отливы» социальной активности в таких странах. Например, стремление властей ряда европейских государств провести пенсионную реформу в ущерб интересам народа и по соображениям бюджетной экономии породило массовые проявления недоверия населения к власти, активизировало забастовочное движение и иные протестные формы поведения людей.

Разумеется, это свидетельствует об ослаблении института социального партнерства, поскольку подобные реформы не могут и не должны проводиться за счет сокращения социальных расходов, без изучения общественного мнения (референдумы, плебисциты) и без жесткой экономии на управленческих расходах. Во многом аналогичными остаются и вза-

имоотношения между государственными властными институтами и институтами местного самоуправления. Последние, как известно, вообще не относятся к органам государственной власти, не обладают рядом необходимых государственных функций (полномочий) и не могут эффективно обслуживать интересы населения. Представляется целесообразным внесение дополнений о придании органам местного самоуправления статуса органов государственной власти в ст. 12 Конституции РФ. Дело в том, что ФЗ № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вменяет в обязанность органам местного самоуправления решение значительного круга вопросов, не подкрепленных финансовой базой. А это объективно ведет к нарастанию противоречий между разными уровнями власти и группами населения.

К числу примеров, свидетельствующих о нарастании тенденции к социальному отчуждению и снижению эффективности системы социального партнерства, можно отнести некоторые решения в области административной реформы. Так, введение института сити-менеджера в ряде муниципальных образований РФ девальвирует социальный и властный статус главы администрации и автоматически ущемляет права граждан (право выбирать и быть избранным, право депутатского запроса и общественного контроля, право отзыва и т. д.). Подмена демократической процедуры выбора процедурой назначения элиминирует систему социального партнерства. Аналогично складывается ситуация и на многих предприятиях, организациях и учреждениях страны. Поэтому *первой* проблемой формирования и развития системы социального партнерства, на наш взгляд, является проблема повышения его эффективности.

Под эффективностью в общем и целом понимается общественная полезность. «В будущем обществе, – писал К. Маркс, – где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов... количество времени, которое будут посвящать производству того или иного предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета» [233, с. 97].

Различают экономическую, социальную и экологическую эффективность, подразумевая в каждом отдельном случае общественную полезность от использования экономических и природных ресурсов или функционирования того или иного социального института. В середине XX в. за рубежом появляются исследования, посвященные вопросам социальной эффективности. В работах Г. Беккера (Нобелевский лауреат 1992 г.), Я. Минсера, Т. Шульца (Нобелевский лауреат 1979 г.) и др. рассматривается проблема человеческого капитала и социальной эффективности. С начала 80-х годов XX в. аналогичные исследования появляются и в нашей стране. Особое внимание уделяется эколого-экономической, социально-экономической и социально-экологической эффективности. А в 1980 г. даже была опубликована «Временная методика определения эффективности капитальных вложений по охране окружающей среды».

Однако, вплоть до конца XX в. проблемы эффективности не затрагивали феномена социального партнерства, который только лишь находился в стадии своего зарождения. Стихийный «шоковый» переход к рыночной экономике породил и шоковый эффект во всей системе социального взаимодействия в нашем обществе. Достаточно напомнить о *бартерном* характере самой российской экономики в 90-е годы XX в. Это свидетельствует о том, что институциональные изменения могут оказаться достаточно выгодными в краткосрочном периоде, но неприемлемыми в долгосрочном периоде. Такую ситуацию В. М. Полетрович называл «институциональной ловушкой» [294]. Развивая представления на этот счет, Р. М. Нуреев пишет: «Именно таков был, в частности, эффект от развития в постсоветской России бартерной экономики: она позволяла временно решать проблемы малоэффективных предприятий, однако делала невозможной сколько-нибудь решительную реструктуризацию производства» [156, с. 266].

Ситуации, подобные упомянутой выше, становятся возможными именно в силу неразвитости института социального партнерства и наличия в его структуре разнородных, часто противоречащих друг другу, норм и установок. Они элиминируют «правила игры» и снижают эффективность данного института. Поэтому проблема повышения эффективности в функционировании института социального партнерства неразрывно связана с укреплением однородности составляющих его «правил игры», т. е. с консолидацией интересов и потребностей всех его участников. А это предполагает расширение практики сотрудничества между трудом и капиталом. Как писал А. Маршалл, «сотрудничество между капиталом и трудом столь же обязательно, как и сотрудничество между прядильщиками и ткачами» [238, с. 247].

Второй проблемой формирования и развития института социального партнерства в российском обществе является проблема его социальной ориентации. Такая ориентация предполагает поиск и нахождение совместных способов и методов решения возникающих конфликтов, а не технократическое отношение к вопросам социального развития. Идеология прежних лет, согласно которой «лес рубят – щепки летят» не приемлема для института социального партнерства, изначально нацеленного на «сохранение леса». Смысл использованной нами метафоры состоит в постепенном вытеснении отношений эксплуатации партнерскими отношениями. Одним из первых на это обратил внимание Дж. С. Милль, который писал: «Отношения между хозяевами и работниками будут постепенно вытеснены отношениями партнерства в одной из двух форм: в некоторых случаях произойдет объединение рабочих с капиталистами, в других... объединение рабочих между собой» [248, с. 100–101].

Возрастание социальной ориентированности института социального партнерства находит свое отражение в росте масштабов *солидарного* принятия решений и непосредственном участии самих работников в организации и управлении производством. Но это экономическая сторона проблемы. В более широком плане возрастание социальной ориентированности института социального партнерства находит свое отражение и во взаимоотношениях между разными поколениями и различными этносами. Это означает, что социальное партнерство постепенно заменяет прежнюю традиционную систему социальных ролей и статусов, иерархию административно-хозяйственной, административно-властной и иной подчиненности. Партнерские отношения предполагают отказ от прежней традиционной субординации «начальник – подчиненный», «руководитель – исполнитель» и т. д. Естественно, что в тех социальных образованиях, в которых в силу их целевой и организационной специфики развитие социального партнерства объективно затруднено (кланы, касты, корпорации и т. д.), степень социальной ориентации будет оставаться на относительно низком уровне по отношению к тем социальным образованиям, которые более восприимчивы для партнерских отношений. Очевидно, что в армии масштаб социального партнерства никогда не будет таким же, как на предприятии, производящем обувь, или в образовательном учреждении, готовящем педагогов. Это не означает, однако, что в более открытых социальных образованиях укрепление социальной направленности и партнерских отношений осуществляется повсеместно. Например, массовое распространение в хозяйственной сфере жизнедеятельности обществ именно закрытого типа (ООЗТ, ЗАО и т. д.) говорит само за себя. В политической и культурной сфере мы также обнаруживаем подобные организационно-правовые формы (закрытый клуб, закрытый просмотр, закрытые торги и т. п.).

Однако, развитие и укрепление солидарности отнюдь не означает полного отказа от субординации, административных решений или властных полномочий со стороны субъектов системы социального партнерства. Наиболее ярко это видно на примере интерпретации смысла государственно-частного партнерства. Он трактуется как «долгосрочное сотрудничество на долгосрочной основе между органами государственной власти и частными предпринимателями, при котором все необходимые ресурсы (например, ноу-хау, средства про-

изводства, персонал и т. д.) предоставляются партнерами для совместного использования в общей организационной структуре, а возможные проектные риски оптимально распределяются между партнерами в зависимости от их компетенций в области управления рисками» [133, с. 53].

В этом определении конкретной формы социального партнерства обращает на себя внимание «усеченный» состав его участников. В этом составе названы только государство и предприниматели, но отсутствуют наемные работники, профсоюзы и иные социальные образования. Отсюда следует два вывода. *Во-первых*, данная форма социального партнерства не может считаться открытой, т. е. доступной для всех заинтересованных социальных групп или институтов. *Во-вторых*, сущностная основа данного феномена связана не с *солидарностью* как таковой, а с *сотрудничеством*. Но «*солидарность*» и «*сотрудничество*» – это два совершенно разных понятия. В рамках солидарности не допускается никакая эксплуатация, т. е. присвоение чужого труда или его результатов. В рамках простого сотрудничества это вполне допустимо. В рамках солидарности возникает и играет определяющее значение общность интересов участников системы социального взаимодействия, в рамках сотрудничества интересы могут оставаться разными, равно как и сами средства их реализации. Сотрудничество – это лишь основа для договоренностей, тогда как солидарность порой не нуждается ни в каких официальных договорах, контрактах или протоколах и реализуется как формально, так и на основе неформальных социальных институтов.

Полная путаница в понимании феномена государственно-частного партнерства обнаруживается тогда, когда некоторые авторы отождествляют его с *мобилизацией*. Под *мобилизацией* понимается экспроприация ресурсов, административное и властное воздействие на процесс их распределения и перераспределения. Трудовые армии в СССР, как известно, создавались на базе именно административно-репрессивных мер. Военно-мобилизационные планы в период Великой Отечественной войны также строились на основе жестких санкций и даже «классового насилия». Поэтому отождествление сотрудничества с партнерством, а последнего – с мобилизацией выглядит просто некорректно. Однако, читаем: «Под государственно-частным партнерством понимается мобилизация частного капитала и знаний для решения государственных задач» [133, с. 53]. Такое определение вполне объясняет факт неразвитости государственно-частного партнерства в нашей стране и необходимость разработки более корректных социальных взаимоотношений.

Среди существующих недостатков системы государственно-частного партнерства можно отметить следующие:

- развитие данной формы партнерства за счет и в ущерб интересам третьих лиц;
- развитие неформальной (теневого) сферы социально-экономических, социально-политических и социально-культурных отношений;
- элиминирование общественных интересов (в пользу групповых и частных интересов) [133, с. 54].

Важный вопрос – соотношение рисков и гарантий. Данная форма партнерства часто рассматривается либо как схема, когда все участники принимают на себя риски и распределяют их в соответствии со своими компетенциями, либо как схема, когда государство выступает гарантом по возможным рискам. Оба варианта страдают недостатками. Первый предполагает четкое понимание социальной компетенции, второй – превращает государство из равноправного партнера в простого «ответчика по рискам».

Преимуществами государственно-частного партнерства можно считать:

- повышение мотивации участников данной системы к эффективной деятельности;
- раскрытие благодаря такому партнерству новых потенциалов его участников;
- нацеленность на долгосрочный характер действий, что вносит компонент стабильности в конкретные ситуации.

Однако, форма государственно-частного партнерства предполагает определенный организационно-правовой механизм. А такой механизм нельзя разработать без совершенствования самых разных социальных институтов. Поэтому, например, остается не решенным вопрос о том, в каком виде следует развивать государственно-частное партнерство: в виде *пула* или в виде *модели обмена*. Когда государственно-частное партнерство рассматривается в виде некоей модели обмена (по аналогии с бартерными отношениями), «необходимость сотрудничества возникает из-за сложности структуры договорных отношений, а также из-за ненадежности условий. В случае же с моделью пула потребность в сотрудничестве вытекает из необходимости постановки цели, определения метода управления ресурсами, а также необходимости распределения результатов работы между партнерами» [133, с. 54].

Если экстраполировать данные проблемы и на другие формы социального партнерства (отношения шефства между промышленными предприятиями и организациями в социальной сфере; развитие благотворительности, меценатства и спонсорской деятельности и т. д.), то можно следующим образом очертить круг наиболее важных проблем в развитии данного социального института:

- выявление подлинной научной сущности феномена социального партнерства как целого и разных его конкретных форм;
- разработка новых социальных технологий в области координации и согласования интересов участников системы социального партнерства (как на проектной фазе, так и в процессе осуществления партнерских отношений);
- разработка системы эффективного совместного и равноправного управления ресурсами (материальными, финансовыми, временными, административными и т. д.) в условиях партнерских взаимоотношений;
- решение проблемы планового развития процесса общественного разделения труда (полномочий, обязанностей, профессий, должностей, конкретных видов работ и т. д.);
- развитие и совершенствование социально-хозяйственных форм социального взаимодействия, адекватных партнерским отношениям (кооперации, протекционизма, патернализма, добросовестной конкуренции и др.).

Однако, для успешного решения перечисленных проблем необходимо выявить подлинную социально-философскую сущность феномена социального партнерства как целого, а затем уже государственно-частного партнерства как формы социального партнерства. Вот как сущность социального партнерства определяет автор одной из последних диссертационных работ по данному вопросу: «Автор утверждает, что социальное партнерство является основой коммуникационного диалога между гражданским обществом, бизнесом и государственной властью, а также базой для роста гражданского, правового и политического самосознания российского народа. Отношения социального партнерства как отношения между равными в договороспособности социальными субъектами возможны, по мнению автора, только при наличии нейтрального социального пространства, позволяющего социальным агентам взаимодействовать, не нанося ущерба третьим сторонам. Таким социальным пространством обычно выступает гражданское общество. Но социальное партнерство не возникает, если отношения между социальными субъектами обладают исключительно бюрократически административным содержанием или если ролевые функции сторон носят предельно иерархизированный характер (подкрепляемый, к примеру, традициями). Поэтому государственные инициативы, направленные на укрепление отношений социального партнерства в России, нацелены также на структурирование гражданского общества». [250, с. 12].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.